

ОТКРОВЕННО О НАБОЛЕВШЕМ

Билеты проданы, места свободны... Такую картину, к сожалению, нередко увидишь в Крымском украинском театре драмы и музыкальной комедии. Что это: вина или беда театра? В чем причина тех творческих «сбоев», которые в последнее время, увы, нередки? Почему, по мнению читателей, театр теряет определенную часть зрителей: то он на выездах, то спектакли начинаются в неудобное время, то прокатывается «старый» репертуар?

С этими вопросами я пришла в театр.

Пока шла репетиция, представилась возможность поговорить с заведующим труппой Н. А. Марьяновским. Он как раз уточнял адреса очередных выездных спектаклей и концертов, распределял актеров по группам.

Зрители огорчаются, что иной раз в театр нельзя попасть, а дело в том, что у нас много абонементных спектаклей для школьников, которые начинаются в 18 часов. Вообще, я считаю, абонементы — это порочная практика. Спектакль оплачен, а зал пустой, играть не для кого.

После репетиции встречаюсь с главным режиссером и художественным руководителем театра В. А. Аносовым.

— Владимир Андреевич, театр имеет свою стационарную сцену, но, как я понимаю, не имеет возможности использовать ее сполна. Как это отражается на творческом процессе?

— Мы просто обязаны на время реконструкции русского театра принюхать своих коллег, это наш долг. То, что до сих пор она не завершилась, бьет, и очень сильно, по обоим коллективам. Скажем, 24 марта мы должны были выпустить премьеру, а так как помещение надо отдавать, пришлось перенести работу на апрель. Творческий процесс вообще нельзя прерывать, иначе он становится болевым процессом.

Мы выпускаем «скороспелки», видим, как расползаются по швам готовые спектакли, если они не прокатываются. А в работе актера, когда нет постоянных встреч со зрителем, наступает аритмия.

— Как, по-вашему, складываются отношения театра со зрителем?

— Зрительский уровень, к сожалению, еще довольно часто определяет качество спектакля. Меня, к примеру, не удовлетворяет наш спектакль «Сладка ягода», а сельский житель от него в восторге. Если, скажем, разные московские театры имеют в основном постоянного своего зрителя, то периферийные пытаются ориентироваться на все зрительские уровни сразу.

Допустим, поставлю я спектакль, рассчитанный на подготовленную публику, на эстетов. В других группах произойдет подрыв доверия к театру, и они перестанут сюда ходить. А театр в изоляции не выполняет финансовый план. Да, пока еще главным остается план финансовый, а не творческий. Мы живем в условиях жесткой диалектики: самокупаемости нужна гарантия, а гарантия исключает поиск и риск, она требует искусства, обеспечения успеха.

— В какой форме организуется работа со зрителем?

— Работа со зрителем? Пока что вся наша так называемая «работа со зрите-

лем» — сплошное вранье. Так и напишите. Что же мне, останавливать прохожих и объяснять им, что такое театр? Когда мы были с главным режиссером театра имени М. Горького А. Г. Новиковым в Италии, то посетили театр Манзони в Милане. Там действительно чувствуется работа со зрителем. Вся улица, на которой находится театр, — сплошная театральная реклама. Огромные цветные портреты театральных «звезд», величиной с дом. А мы не можем обыкновенный плакат сделать. Даже фотографа профессионального не имеем. Как-то мне удалось найти хорошего фотографа. Когда он указал стоимость работ в договоре, директора чуть инфаркт не хватил. Нужны деньги, нужна материальная база...

— Но кроме того, что театр сам зарабатывает, существует еще государственная дотация...

— Да, получаем 360 тысяч. Если бы мы целый год ничего не делали, а раздавали ее только как зарплату актерам, то каждый имел бы по 300 рублей в месяц. Но надо еще содержать вот это огромное здание, обеспечивать производственные нужды. Одни ноты для «Маричь» обошлись в 3,5 тысячи рублей. А ведь на постановку всего спектакля выделяются две-четыре тысячи. Вот и начинаем «кромить». Используем одни и те же костюмы из спектакля в спектакль. Бедные костюмеры уже просто путаются.

По уровню зарплаты актер в табели о рангах занимает предпоследнее место. В среднем она составляет не больше 117 рублей. Нужно быть одержимым искусством, что-

бы за такую плату быть в театре с утра до вечера. Но разве одержимость не достойна более высокой, справедливой оценки?

— Выходит, проблему кадров порождает низкая зарплата?..

— К этому можно добавить и квартирный голод. Полтора года работает у нас приглашенный балетмейстер, а квартиры для него до сих пор нет. Нам нужен режиссер музыкальных постановок, но куда приглашать специалистов?

— Прошло немало времени с тех пор, как наш музыкально-драматический театр, приняв участие в республиканском эксперименте, стал именоваться театром драмы и музыкальной комедии. Можно ли сегодня подвести какие-то итоги эксперимента?

— Неудачный эксперимент длится уже около десяти лет. Театры застыли в этой форме, удержаться в ней можно только на примитивном уровне, но зачем? По штатному расписанию музыкального театра 18 драматических актеров, 8 вокалистов, 6 танцовщиков. Театр драмы и музыкальной комедии — 42 драматических актера, хор — 24 человека, балет — 21. И всех надо занять. Отсюда — недогрузка актеров, их недовольство. Нужен специальный репертуар.

— К слову, о репертуаре. В названии театра есть слово «украинский», а на сцене...

— Да, это наша ошибка. Мы ушли от национальной драматургии, национального колорита. Теперь надо «вытягивать» украинскую классику, возвращать на сцену украинский язык, в то же время поддерживать му-

зыкальные формы.

— Что для этого делается?

— Ошибки в репертуаре пытаемся исправить. Готовится к постановке трагедия «Народный Малахий» М. Кулиша. Эту пьесу после Леси Курбаса на Украине никто не ставил. Приступили к репетиции «Потерянной жизни» В. Крайниченко по роману П. Мирного «Гулящая». Готовятся также «Королева чардаша» И. Кальмана, известная больше зрителю под названием «Сильва». Задумали поставить «Сорочинскую ярмарку». Но мы отказываемся от традиционного решения. Будем строить спектакль на фольклорной основе, создадим своеобразный фольклорный «вертел». Непользуясь законами жанра, постараемся занять ту часть труппы, которая простаивала.

Ищем форму камерного спектакля для музеев. Пока это концертные программы. Видятся и комические оперы XVIII—XIX веков. Такой спектакль — «Влюбленные обманщики» — уже прошел в Симферопольском художественном музее в концертном варианте. Камерные спектакли состоятся в Ливадийском дворце, в картинной галерее Ливадзевского в Феодосии.

Есть и такая идея: создать театр украинского фольклора в Крымском краеведческом музее. Представляете, театр — студия в музее? Идею поддержали, но до практического ее осуществления еще далеко...

Что ж, хочется пожелать коллективу театра мужества и настойчивости в воплощении замыслов, преодоления трудностей сегодняшнего дня, в создании полноценных, талантливых спектаклей.

О. БИЛЯЧЕНКО.